

*Протодиакон Георгий Хяркёнен,
секретарь по богословским вопросам
главы Финляндской Православной Церкви.*

Нравственные ценности и национальное благосостояние.

Ваше Высокопреосвященство Выборгский и Приозерский епископ Игнатий, возлюбленные во Христе отцы, братья и сёстры.

Я сердечно благодарю за приглашение принять участие в Архангело-Михайловских Епархиальных международных образовательных чтениях в Выборге.

В понедельник (27.11) в Спасо-Преображенском монастыре в Хейнявеси приступает к работе Поместный собор Финляндской Православной церкви. В соответствии с принципами Поместного собора 1917–1918 гг., Православная церковь в Финляндии принимает бюджет и определяет направления развития на ежегодном соборе, в работе которого принимают участие 4 епископа, а также выбранные представители от духовенства (11 делегатов), регентов (3 делегата) и мирян (18 делегатов).

Прошу простить меня за то, что не могу присутствовать в Выборге из-за подготовки к Поместному собору.

По благословию Его Высокопреосвященства Льва, архиепископа Карельского и всея Финляндии, передаю вам всем самые тёплые приветствия от нашего владыки.

Мораль и этика – это одно и то же? Первое понятие образовано от латинского слова «*mores*», второе – от греческого слова «*ethos*». Оба означают, в зависимости от точки зрения, обычаи, привычки и даже нравственность.

Критика относительно христианской этики, часто концентрируется на том, какие нормы поведения можно считать запретительными или разрешительными.

Этическая традиция Православной Церкви тоже испытала влияние двух традиций. Они обе основываются на Евангелиях Нового Завета. Аскетическое предупреждение о любви к миру (*1 Иоан. 2:15*) наследуется христианством от восточных культур Индии и Греции. Согласно другому толкованию, Бог так возлюбил мир, что отдал за него даже Сына Своего (*Иоан. 3:16*). Так и человек, как образ Божий, является небесным гражданином в мире, задачей которого является улучшение мира своей деятельностью.

Анализ православной этической традиции осложняет также то, что христианская мораль становится частью общих национальных культур. Нам нужно уметь анализировать христианство как часть народной традиции, языка и обычаев. С другой стороны, христианская этика имеет место также и в современном общественном устройстве, основанном на плюрализме.

Главный вопрос заключается в следующем: считаем ли мы плюрализм угрозой или возможностью?

Православная этика укоренена в учении Церкви, в догме. Средоточием этого учения является исторический Богочеловек Иисус Христос. Даже будучи соборным, христианство всегда продолжает оставаться личностной религией, в которой этические выборы происходят всегда на индивидуальном уровне. Этика – это ежедневное размышление о добре и зле.

В финском обществе восточно-православное филантропическое представление о морали мало известно. Религией большинства в Финляндии является евангелическое лютеранство, и лютеранский пуританизм короля Швеции Густава Вазы (1496–1560) повлиял на христианство Северной Европы намного больше, чем часто нами признаётся. Важно также помнить, что император России Пётр Великий идеализировал короля Швеции Густава II Адольфа (1594–1632) и что в известном смысле ортодоксальное православие и слепое послушание власти в лютеранстве представляют собой одну и ту же идеологию.

В скандинавских странах заслугой пуританского лютеранства часто считают развитие грамотности и народного образования. Обратной стороной медали является передача представителям власти права определения моральных ценностей в обществе.

Необходимость религиозного и морального единообразия наблюдается снова в финском христианстве. Например, в обсуждении вопроса о легализации однополых браков странным для православных представлялось то, что соблюдение в стране законов, принятых демократическими решениями большинства, хотели поставить вне богословских принципов.

Эта традиция христианства сформировала во многом нашу православную церковь. У нас есть причина задуматься, в какой мере пуританская религиозность может взять на себя толкование образа человека с точки зрения церковной традиции. Лютеранской религиозности свойственен пиетизм. Связанные с ним принципы и опасности традиционно разъяснены во второй главе Послания апостола Павла к Колоссянам: центральной проблемой пиетизма является «самовольное благочестие» (**Кол. 2:23**), согласно финскоязычному переводу Библии.

Однако пиетизм не является только протестантской проблемой. Также в XVIII веке православная духовность ощутила заметное пиетическое влияние. Эти правила, которые являются чуждыми традиции Древней Церкви и о которых дано предупреждение в Послании к Колоссянам, стали центральными вопросами в жизни христианина: **«Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу» (Кол. 2:16)**. Вследствие этого наш традиционный поиск присутствия Бога в радости Воскресения и чудесах отошёл на второй план.

Известно, что критика Мартином Лютером (1483–1546) монастырской жизни была направлена против этих недостатков. Так отец пиетизма Филипп Якоб Шпенер (1635–1705) был готов сделать главным идеалом христианства личную молитвенную жизнь, игнорируя при этом догматические вопросы.

Разве не такое православие часто предлагается также и нам в качестве образца для прихожан?

Замена древней православной церковности пиетизмом объясняется неверным истолкованием выражения «с *духовными*» (1 Кор. 3:1). Апостол Павел объясняет соработничество у Бога в терминах, где «духовность» и «телесность» могут пониматься как противоположности. Это противопоставление не соответствует традиции Древней церкви.

Житиям святых посвящена обширная литература. Тексты на греческом, латыни, арабском и славянском пишутся с раннего средневековья до наших дней. Однако в литературе о житиях святых, в агиографии, как раз не найдены отдельные материалы о «духовной» или «молитвенной жизни». Почему?

Традиции Древней Церкви не известен такой термин, как «духовная жизнь». Духовность, как теперь принято выражаться, в качестве отдельного явления была неизвестным понятием также для святых Церкви. У них не было духовной жизни, а была просто жизнь. Литургическая жизнь и молитва в церкви не являлись для святых чувственными переживаниями или духовным опытом. На самом деле сосредоточившиеся на «внутренней» или «духовной» жизни были зачастую еретиками, гностиками, эзотериками или манихеями, к которым Церковь относилась отрицательно. Святые отцы Церкви не говорили о духовной жизни, а о человеке, ищущем гармонии физического и духовного. Для святых Церкви ежедневная жизнь не была «моральной», но она была полноценным исканием воли Божией.

Этическое или моральное учение Православной Церкви в течение долгого времени основывалось более на обрядовом христианстве, чем на библейской философии жизни. В 1960-е годы в Европе было время «железного занавеса». В православной стране Греции также была диктатура. Тогда многие стали размышлять о точках пересечения православной и государственной морали. Два греческих богослова Панайотис Неллас (1936–1986) и Христос Яннарас (род. в 1935) издавали журнал «Синоро» («На границе»), в котором обсуждались отношения между свободой и моралью. Издание журнала запретили по приказу военной хунты в апреле 1967 года.

Неллас и Яннарас не начинали с нуля. Их предшественниками были Николай Бердяев (1874–1948) и Владимир Лосский (1903–1958), которые размышляли над вопросом о моралистическом легализме XVIII века и об аскетическом катарсисе, относящимся к традиции Древней Церкви.

Ясно, что при рассмотрении этих вопросов нельзя обойти стороной размышление о грехе с точки зрения Восточной Церкви. Как греческие, так и русские богословы указывали на то, каким образом грех должен быть «деморализован». Грех – это не только поступки. Согласно Бердяеву, Нелласу, Лосскому и Яннарасу, библейское христианство в Древней Церкви – это позиция, с помощью которой индивидуум устраивает всё, влияя как на собственную, так и на общественную жизнь и делая свой выбор относительно исполнения Божиих заповедей.

Итак, мы также подошли к выбору в вопросе о «нравственных ценностях и национальном благосостоянии». Можно служить обоим, но единственным авторитетом в таком выборе является то, чтобы никакое решение не привело к разрыву с евхаристическим Телом Церкви.

Относительно этого вопроса прекрасно и актуально сказано в Циркуляре Святого и Великого Синода на Крите в праздник Всех Святых 26 июня 2016 года: *«Православная Церковь остаётся верной апостольской традиции и общему sacramentalному опыту, являясь преемницей единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви, исповедуя Символ веры и учение Отцов Церкви. Церковь чувствует ответственность за то, что она живёт действительно этим опытом и свидетельствует о нём обществу через религию. Православная Синодальная Церковь в единстве и полноте является преемницей апостольского собора в Иерусалиме (Деян. 15:5-29). Церковь, как таковая, является Синодом, который, по словам апостолов, сотворён соработничеством Христа и Святого Духа: «Ибо угодно Святому Духу и нам» (Деян. 15:28). Церковь благовествовала и вновь благовещивает о тайне Святой Троицы, которая становится известной через Сына Божия и Слово посредством всемирных и местных Синодов. Синодальная работа Церкви продолжается, не прерываясь, в течение всей истории».*